

КРИСТОФЕР

ИШЕРВУД

**ОДИНОКИЙ
МУЖЧИНА**

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Кристофер Ишервуд
Одинокий мужчина

«Издательство АСТ»

1964

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Ишервуд К.

Одинокий мужчина / К. Ишервуд — «Издательство АСТ»,
1964 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-114005-2

Роман «Одинокий мужчина», впервые опубликованный в 1964 году и экранизированный в 2009-м Томом Фордом (с Колином Ферттом в главной роли), – одно из самых известных произведений Ишервуда. Один день из жизни немолодого университетского профессора, недавно потерявшего самого близкого человека и теперь не знающего, как и зачем жить дальше. Он постоянно окружен людьми – людьми, которые, пожалуй, даже любят его и уж точно стараются понять и поддержать. Но их благие намерения лишь заставляют его сильнее чувствовать свое абсолютное одиночество.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-114005-2

© Ишервуд К., 1964
© Издательство АСТ, 1964

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	20
-----------------------------------	----

Кристофер Ишервуд

Одинокий мужчина

Christopher Isherwood
A SINGLE MAN

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского Е. Горяиновой
Серийное оформление Е. Ферез
Печатается с разрешения наследника автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

© Christopher Isherwood, 1964
© Перевод. Е. Горяинова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Посвящается Горю Видалу¹

Пробуждение означает *быть здесь и сейчас*. Некоторое время рассматриваешь потолок, потом опускаешь глаза и опознаешь в распростертом теле самого себя, следовательно, я *есть, сейчас есть*. То, что сейчас я *здесь*, вопреки всему, не так уж и плохо, ведь именно *здесь* мне и надлежит находиться утром: в месте, именуемом домом.

Но *сейчас* значит больше, чем сей час, день, год. Это леденящее напоминание: позади еще один день, еще один год. И каждый день отмечен новой датой, отодвигающей предыдущие в прошлое, – пока, рано или поздно, может... нет, неизбежно, ОНА придет.

Щекочущий нервы страх. Болезненное отрицание того, что впереди: неизбежность смерти.

Тем не менее головной мозг педантично приступает к своим обязанностям – ноги выпрямить, поясницу согнуть, пальцы сжать и расслабить. Наконец нервная система посылает первый приказ телу: ВСТАТЬ.

Тело покорно отделяется от кровати, морщась из-за артрита в пальцах и левом колене, ощущает легкую тошноту в желудке – наконец, голышом ковыляет в ванну, где опорожняет мочевой пузырь и взвешивается: все те же шестьдесят восемь килограммов вопреки изнурительной гимнастике. Теперь к зеркалу.

В нем отражается не лицо, а воплощение предопределенности. Развалина, в которую он превратил себя за эти пятьдесят восемь лет. Унылый беспокойный взгляд, огрубевший нос, уголки рта опущены под воздействием собственной желчности, обвисшие мышцы щек, увядающая шея в сетке мелких морщин. Загнанный взгляд измученного пловца или бегуна, которому не дано остановиться. Человек будет рвать жилы до самого конца. Не потому, что герой. По-другому он просто не мыслит.

Глядя в зеркало, он видит множество лиц: ребенка, подростка, молодого человека и уже не очень молодого, старика – множество лиц, хранимых подобно ископаемым на полках и,

¹ Гор Видал (1925–2012) – писатель, драматург, близкий друг Кристофера Ишервуда. – Примеч. ред.

как и они, давно умерших. К нему, еще живущему, адресован их вопрос: посмотри на нас, посмотри – мы умерли, так чего же ты боишься?

Его ответ: раньше это протекало так постепенно, незаметно. *Страшно, когда подталкивают.*

Человек все смотрит и смотрит. Губы приоткрываются, он дышит через рот. Наконец мозг нетерпеливо приказывает мыться, бриться, причесываться. И прикрыть наготу. То есть одеться перед выходом наружу, к другим людям; и одеться соответственно, чтобы его внешность и поведение должным образом были ими опознаны.

Он покорно моется, бреется, причесывается, смиряясь с ответственностью перед другими. Он даже благодарен за предоставленное ему место в их рядах. Он знает, чего от него ждут.

Знает свое имя. Его зовут Джордж.

Одетый, он постепенно превращается в *него*, то есть в Джорджа, – хотя это еще не совсем тот Джордж, которого люди ждут и готовы признать. Позвонившие ему в этот ранний час были бы поражены, даже напуганы, если бы вместо предполагаемой персоны услышали голос такого далекого от готовности полуфабриката. Однако это, конечно, невозможно – имитация голоса знакомого им Джорджа почти идеальна. Даже Шарлотту удастся обмануть. Хотя пару раз она уловила странные нотки и спросила: «Джо, у тебя все в порядке?»

Он пересекает переднюю комнату, которую называет кабинетом, и спускается вниз. Лестница делает поворот, она узкая и крутая. Ты задеваешь перила локтями, приходится опускать голову – даже Джорджу, при росте в пять футов восемь дюймов². Дом небольшой и компактный. В нем Джордж чувствует себя защищенным; тут нет места одиночеству.

И все же...

Представьте себе пару, живущую день за днем, год за годом в этом тесном пространстве: плечом к плечу стряпая что-то на общей крошечной плите, протискиваясь друг мимо друга на узкой лестнице, бреясь рядышком перед маленьким зеркалом в ванной. В постоянной толкотне, соприкосновении двух тел, то нечаянном, то намеренном – чувственном, агрессивном, неловком, нетерпеливом, яростном или любовном, – так представьте, насколько глубокие, пусть и невидимые следы они оставляют повсюду! Дверь в кухню слишком узка. Двое в спешке, с тарелками в руках обречены сталкиваться тут. И потому каждое утро здесь, в конце лестницы, Джордж испытывает шок, будто это пропасть, где внезапно обрывается его путь. Здесь он останавливается, словно узнавая впервые и все с той же болью: Джим умер. Он умер.

Он стоит тихо, иногда молча, иногда с коротким животным стоном, пока спазм не отпустит. Потом уходит в кухню. Эти утренние приступы слишком болезненны, в них нет ничего sentimentalного. Постепенно ему становится легче. Примерно как после сильных судорог.

Сегодня муравьев еще больше: ручейками они текут по полу, взбираются по раковине, угрожающе стремятся к шкафчику, где он хранит джем и мед. Упрямо поливая их ФЛИ-спреем, он вдруг видит себя со стороны: злобный упрямый старик, считающий, что вправе убивать этих замечательных полезных насекомых. Живой, убивающий живое под наблюдением сковород и кастрюль, ножей и вилок, банок и бутылок – предметов, безучастных к ее величеству эволюции. Почему? Ну почему? Может, это происки некоего Космического врага, Всемирного тирана, который затмевает наш взор с целью остаться неопознанным, и потому настраивает нас против наших естественных друзей, жертв его тирании? Но, прежде чем Джордж додумался до этого, муравьи уже убиты, собраны мокрой тряпкой и с потоком воды отправлены в слив раковины.

² 172 см. – *Примеч. ред.*

Он готовит себе яйцо-пашот с беконом, тосты и кофе, потом садится завтракать за кухонный стол. А в голове в это время крутится без остановки детская песенка, которую еще в Англии, будучи ребенком, он слышал от няни:

Яйцо-пашот на хлеб кладешь...

(Он видит ее так же ясно, с седыми волосами и блестящими мышинными глазками; маленькое пухлое тельце вносит в детскую завтрак на подносе, с трудом переводя дух после крутого подъема. Она всегда проклинала эти лестницы, называя их за крутизну «деревянными горками» – одна из магических фраз родом из детства.)

Яйцо-пашот на хлеб кладешь,
Кусочек съешь – еще возьмешь!

Ах, этот трогательно непрочный, обволакивающий уют детских радостей! Здесь Маленький Хозяин уплетает свой завтрак, а улыбчивая Няня вселяет в него уверенность в том, что все прекрасно в их крошечном хрупком мире!

Завтрак с Джимом зачастую был лучшим временем наступившего дня. Самые душевные разговоры случались у них именно за второй-третьей чашкой кофе. Обсуждалось все, что только приходило в голову – включая, конечно, смерть; есть ли что-нибудь после нее, и если есть, то что именно. Обсуждали даже преимущества и недостатки внезапной гибели – в сравнении с осознанием близости кончины. Но сейчас Джордж, хоть убей, не мог вспомнить, что именно об этом думал Джим. Подобные разговоры не ведутся всерьез. Они кажутся слишком теоретическими.

Допустим, мертвые навещают живых, и Джим мог бы взглянуть, как живет Джорджу. Был бы он доволен увиденным? Стоило бы оно того вообще? В лучшем случае ему, подобно любопытному туристу, было бы позволено сквозь магический кристалл бросить взгляд из бескрайнего вольного мира на тесную конуру, где узник из мира смертных уныло пережевывает свой завтрак.

В гостиной темно и тесно – низкий потолок, книжные полки вдоль стены напротив окна. Чтение не сделало Джорджа благороднее, лучше или существенно мудрее. Но он привык вслушиваться в голоса книг, выбирая ту или иную в соответствии с сиюминутным настроением. Он использует их весьма беспардонно – вопреки почтительности, с которой ему приходится говорить о литературе публично, – как хорошее снотворное, как лекарство от медлительности стрелок часов, от ноющих болей в области желудка, как средство от меланхолии, стимулирующее вдобавок ко всему работу кишечника.

Выбирает одну из книг он и сейчас, с поучениями Рёскина:

«...Школьниками вы любите палить из духовых трубок, но ружья и “армстронги” – по сути, те же изделия, лишь более искусно выполненные. И, к прискорбию, подобно тому, как в детстве это было игрой для вас, но не для воробьев, так и сейчас это развлечение для вас, но не для малых птиц графства; что же до черных орлов, вы вряд ли стреляете в них, хотя я могу ошибаться».

Несносный усатый старикан Рёскин, неизменно самоуверенный, раздражительный, ворчливый, ругающий англичан, – сегодня это отличный спутник для пятиминутных посиделок в туалете. Ощутимая активность кишечника подгоняет Джорджа вверх по лестнице, в ванную, с книгой в руке.

Сидя на толчке, он может смотреть в окно. (С другой стороны улицы видны его голова и плечи, но не то, чем он занят.) Серое прохладное утро калифорнийской зимы; низкое небо перенасыщено влагой тихоокеанского тумана. Внизу, с берега, небо и океан составляют одинаково блеклое целое. Невозмутимые пальмы и пушистые олеандры стряхивают с листьев влагу.

Это улица Камфор-Три-лейн. Может, камфорные деревья здесь когда-то и росли, но сейчас нет ни одного. Но вероятнее всего, название выбрано ради красного словца основавшими здесь колонию в начале двадцатых годов первыми поселенцами, сбежавшими от духоты делового центра Лос-Анджелеса или от снобизма Пасадены. Они называли причудливыми именами свои оштукатуренные бунгало и обшитые доской хижины – например, коттедж «*Кубрик*», коттедж «*До Вольно*». Улицы здесь называли аллеей, дорогой, тропой, словно их прокладывали через дремучие леса. В мечтах ее обитателей местность обретала черты субтропической английской деревни с богемными замашками: этакие Уютные Гнездышки, где можно в меру рисовать, в меру писать и без меры пить. Здесь можно воображать себя последними эскапистами и индивидуалистами двадцатого века, день и ночь вознося хвалу провидению за побег от губельного городского духа коммерции. Местные любили небрежность и богемность, были неутомимо любопытны к чужим делишкам, но бесконечно снисходительны. Разногласия решали с помощью кулаков, бутылок или подручной мебели, но не адвокатов. К счастью, большинство из них не дожили до эпохи Больших Перемен.

Перемены начались в конце сороковых, когда с востока сюда устремились толпы ветеранов Второй мировой с новыми женами в поисках лучших мест для выведения потомства на солнечном юге – прелести которого они успели оценить краем глаза, отчаливая в опасные дали Тихого океана. А что может быть лучше для растущего семейства, чем склоны холмов в пяти минутах от пляжей, причем без сквозных дорог – этой угрозы жизни будущих несмышленишей? Вот таким образом привыкшие к джину и поэзии Харта Крейна коттеджи постепенно заполнились любителями телевизора и кока-колы.

Поколение ветеранов войны, несомненно, приспособилось бы к богемным ценностям местных жителей; некоторые даже пристрадались бы к перу и рисованию между запоями. Но жены четко и оперативно объяснили им, что семейная жизнь с богемной несовместима. Семье и детям нужны надежность, ипотека, кредит, страховка. И нечего даже думать о смерти, не обеспечив как следует свое семейство.

И потомство не заставило себя долго ждать: появлялось один за другим, мал мала меньше. Прежнюю тесную школу окружили новые корпуса. Скромный рынок на набережной превратился в супермаркет, а на Камфор-Три-лейн появились два дорожных знака. Один запрещал поедать кресс-салат, растущий вдоль берега залива, – из-за некачественной воды в этой местности. (Пионеры-колонисты всю жизнь его ели; Джордж и Джим пробовали – вкусно, и ничего не случилось.) Второй знак – зловещие черные силуэты на желтом поле – гласил: **ОСТОРОЖНО, ДЕТИ!**

Конечно, Джордж и Джим заметили этот желтый знак, когда впервые появились здесь в поисках жилья. Но проигнорировали его, влюбившись с первого взгляда в дом на поляне среди зарослей, спускавшихся с холма по крутому склону. Подойти к нему можно было только по мостику через пролив. «Словно на собственный остров», – сказал Джордж. Утопая по щиколотку, они бродили по опавшим листьям сикомора (будущая хроническая забота), радуясь всему вокруг. Заглянув в сырую темноту гостиной, оба решили, что вечерами, при свете и тепле камина, здесь станет уютней. Гараж был укрыт громадной шапкой ивовой поросли, живые и сухие ветви вперемешку; правда, построенный в эпоху модели «Форда-Т», внутри он оказался слишком мал. Джим решил, что он сгодится для содержания каких-нибудь животных.

Ведь их машины слишком велики, да и оставлять их можно на мосту. Который, правда, уже немного просел. «Да ладно, на наш век хватит», – заключил Джим.

Соседские детки, конечно, тоже оценили те качества дома, которые впечатлили Джорджа с Джимом. Эдакая укрытая ветвями тайная берлога зловещего монстра – прямо со страниц старинной книги. Именно эту роль Джордж играет с тех пор, как живет здесь один. Сейчас проявилась тщательно скрываемая от Джима темная сторона его натуры. Что бы тот сказал, если бы увидел, как Джордж, сердито крича и размахивая руками, пытается прогнать Бенни, сына миссис Странк, и Джо, отпрыска миссис Гарфин, бегающих наперегонки взад-вперед по мосту? (А Джим с ними прекрасно ладил: позволял возиться со скусками и енотом, разговаривать с майной; однако без разрешения они никогда не пересекали мост.)

Хозяйка дома напротив, миссис Странк, исполняя свой долг, время от времени внушает своим чадам, что профессор очень много работает, поэтому им лучше оставить его в покое. Но даже эта милая, измотанная рутиной домашних хлопот женщина, втайне сожалеющая о прерванной ради рождения мистеру Странку пяти сыновей и двух дочек карьере певицы на радио, не упустила возможности передать Джорджу с улыбкой материнской снисходительности, что ее младший сын Бенни отозвался о нем, как об «этом типе», гнавшемся за ним по мосту аж до самой улицы, – а шалуну всего-навсего приспичило расколотить молотком дверь его дома.

Джордж был в ужасе от своей реакции, потому что это совсем не игра. Он в самом деле вышел из себя, и позже ему до тошноты было стыдно. Вместе с тем он уверен, что именно такого поведения дети и ждут. Если он прекратит изображать монстра, им придется придумать что-то еще. Вопрос – он это в шутку или всерьез – их не занимает. Джордж вообще их интересуется исключительно как персонаж для игр. Так что эти вспышки гнева волнуют только его. Именно поэтому ему было так неловко за попытку подкупить эту банду леденцами – вместо благодарности мальчишки встретили его недоуменными взглядами; может быть, им впервые в жизни выпал повод презирать взрослого.

Тем временем Рёскин совсем разошелся. «Вкус есть единственная мораль!» – вопиет он, тыча в Джорджа пальцем. Это начинает утомлять, и Джордж закрывает книгу, обрывая Рёскина на полуслове. Все еще сидя на толчке, Джордж выглядывает в окно.

Тихое утро. Почти все дети в школе; до рождественских каникул еще две недели. (Мысль о Рождестве наполняет его отчаянием. Может, рвануть на неделю в Мехико и что-нибудь выкинуть, напиваясь вдрызг в каждом баре? «Никогда и никуда ты не рванешь», – с холодной тоской обрывает его внутренний голос.)

А вот и Бенни с молотком в руке. Рыщет по заполненным хламом мусорным бакам, выставленным вдоль тротуара. Извлекает сломанные напольные весы и, пока Джордж наблюдает, с азартными воплями колотит по ним молотком, воображая себе, что это кричит и корчится от боли его добыча. И при всем при этом гордая своим потомством мамаша Странк, с отвращением передернув плечами, осмелилась спрашивать у Джима, как ему не противно прикасаться к безвредным ужатам!

Появившаяся на крыльце миссис Странк застаёт Бенни за изучением истерзанных внутренностей бывших весов.

– Положи их обратно, – нараспев выговаривает она. – Брось в бак! Сейчас же! Бросай! В бак!

Она никогда не кричит на детей. Она перечитала все книжки по психологии и знает, что сейчас Бенни, как и должно быть, переживает Фазу Агрессивности; и это нормально, это ему на пользу. Она знает, что ее слышит вся улица, и это тоже нормально, потому что сейчас Материнский Час. Поэтому, когда Бенни соизволяет наконец зашвырнуть обломки весов обратно в бак, она произносит с нежным напевом:

– У-у-мница! – и удаляется в дом.

А Бенни присоединяется к троице малышей, двум мальчикам и девочке, азартно копающим ямку на границе владений Странков и Гарфинов. (Фасады их домов выходят прямо на улицу, в отличие от задвинутой в угол берлоги Джорджа.)

Копание ямы под огромным эвкалиптом Бенни берет под свой контроль, скинув ветровку на руки сестре. Поплевав на ладони, он берется за лопату. Он мнит себя искателем сокровищ – наверняка нечто похожее видел недавно по телевизору. Малышня всегда подражает увиденному, а едва научится говорить, и услышанному. Первым делом рекламным слоганам, чему же еще?

Один из младших, возможно, пресытившись активностью старшего в той же степени, в какой скаут-лидерство мистера Странка достает самого Бенни, решает пострелять из карбонового ружья. Джордж как-то пытался втолковать миссис Странк, что эта пальба сведет его с ума, но мать не желает мешать естественным шалостям. Фальшиво улыбаясь, она заявляет: «Я не замечаю шума, пока деткам хорошо».

Материнский Час заканчивается, когда старшие дети возвращаются из школы. Едва они оказываются дома, смешанная до того компания моментально распадается. Будущим мужчинам не терпится поиграть в мяч. С громкими резкими выкриками они гоняют, отбивают, передают друг другу мяч с самоуверенной грацией. Когда мяч залетает во двор, они без малейшего смущения топчут клумбы и декоративные горки. Рискувшей проехать по улице машине положено застыть на месте, пока игроки не освободят путь; дети знают свои права. Благодарные матери держат малышей подальше от беды. А девочки на крыльце, хихикая, не сводят с парней глаз. Чтобы привлечь их внимание, они придумывают всякие глупости. Например, сестры Коди обмахивают веером своего древнего пуделя, словно Клеопатру, плывущую в лодке по Нилу. Но даже хорошие приятели их не замечают – не тот час. Так что пуделю завязывает бантики один лишь изнеженный сынок здешнего врача.

Наконец возвращаются с работы мужчины. Игры в мяч прекращаются. Потому что нервы мистера Странка на пределе после многочасовых переговоров с богатой безмозглой вдовой, которой он пытается впарить недвижимость; нраву мистера Гарфина труд в компании по обустройству бассейнов тоже не на пользу. Ни один из отцов не потерпит шума в это время. (Настает воскресный день, и папа Странк с серьезным и ответственным видом поиграет в мяч с сыновьями; не удовольствия ради, а исключительно для здоровья.)

А по выходным устраивают вечеринки. Подросткам велят развлекаться подальше от дома, даже если уроки не сделаны, – взрослым решительно необходимо расслабиться в своей среде. И пока миссис Странк и миссис Гарфин режут салаты на кухне, а мистер Странк возится во дворике с барбекю, мистер Гарфин тащит бутылки и шейкер, жизнерадостно объявляя тоном заправского моряка: «Мартини прибывает!»

Часа три спустя – после обильных возлияний, отдав должное всем поразительно непристойным шуточкам, облапав, явно или не очень, задницы чужих жен, откушав мясное и сладкое, – пока *девочки* (как здешние хозяйки до ста лет будут звать друг дружку) заняты мытьем посуды, их мужья, расположившись на крыльце с бокалами в руках, уже свободнее могут болтать и смеяться, забыв о делах и заботах. Они наконец-то счастливы и довольны жизнью. Ведь это им принадлежит Царствие Божие и Великая американская утопия, право на жалкую копию которой оспаривают русские и которую ненавидят китайцы, мечтающие добиться такого же успеха посредством репрессий и голодовок. О да, мистер Странк и мистер Гарфин очень гордятся своей страной. Только почему они с каждой минутой, чем больше распаляясь, тем больше смахивают на потерявшихся в пещере ребят? Понимают ли они сами, чего боятся? Нет, не понимают, но боятся.

Чего они боятся?

Они боятся, что во тьме вокруг них есть что-то неведомое; боятся, что это что-то вдруг выхватит свет их лампы-вспышки, и тогда это невозможно будет не замечать. Злодеев, портящих им статистику, уродливых горгон, не желающих делать пластические операции, вампиров, сосущих кровь с безобразным чавканьем, дурно пахнувших субъектов, не признающих дезодоранты, а также тех извращенцев, которые не позволяют заткнуть себе рот.

«Наряду с другими чудовищами, – говорит Джордж, – их пугает даже такой экземпляр, как я».

Мистер Странк, полагает Джордж, не упустит случая лягнуть его. «Извращенец!» – наверняка рявкнет он. Но так как на дворе все-таки 1962 год, даже он следом прибавит, что ему-то наплевать, только пусть этот тип держится от него подальше. Даже психологи затрудняются с определением подобного поведения. Однако факты – вещь упрямая, и фотография мистера Странка в футбольной форме времен его студенческой юности выдает его принадлежность к тем, кого называют *настоящей куколкой*.

Но Джордж полагает, что миссис Странк придерживается куда более терпимых взглядов, чем ее муж, усвоив тактику «укрощения снисходительностью». Раз существуют книги по психологии, изгнание бесов уже устарело. Она исправляет Джорджа теми же материнскими напевными интонациями. Нет причин для презрения и проклятий! Потому что в этом нет умысла. Это результат дурной наследственности, порочного с детства окружения (позор властным британским мамашам и системе раздельного обучения!), подавления инстинктов в период созревания – и/или желез внутренней секреции. Бедняги навсегда лишены естественных радостей жизни, так что достойны жалости, а не осуждения. В некоторых случаях, на ранней стадии, это еще исправимо. Иначе... что ж, тем более прискорбно, потому что такое часто встречается среди весьма достойных людей, способных приносить большую пользу. (Ведь, если даже они гении, их шедевры все равно несут печать *порока*.) Так будем снисходительны, хорошо? К тому же не забывайте, что извращения были и у древних греков (правда, скорее по причине языческих нравов, а не особенностей психики). Хотя отдельные однополые союзы можно признать прекрасными, особенно когда один из партнеров – а лучше оба – уже на том свете.

С каким удовольствием, в таком случае, миссис Странк скорбела бы о Джиме! Но нет, она не знает; никто из них не знает. Это случилось в Огайо, а местные газеты о происшествии не писали. Джордж же представил дело так, будто пожилые родители Джима давно уговаривали его вернуться домой и жить с ними, в чём и преуспели в последний его визит, так что он навсегда останется на родине. И это святая правда. Что касается его зверинца, Джорджу даже мысль иметь поблизости создания, напоминающие о Джиме, была невыносима, так что он тотчас сплавил их торговцу из Сан-Диего. Поэтому, когда миссис Гарфин пожелала купить у него майну, он ответил, что всю компанию давно уже переправил к Джиму.

Теперь на вопросы миссис Странк и остальных Джордж отвечает: действительно, недавно он получил весточку от Джима, с ним все в порядке. Но вопросы задают все реже и реже. Любопытство хорошо уживается с безразличием.

Но, знаете, миссис Странк, ваша книжка ошибается в том, что для меня Джим стал лишь подменой сыну, младшему брату, мужу, жене. Джим никоим образом не был для меня заменой. И Джиму нигде не найти замены, уж простите меня за эти слова.

«Ваше изгнание бесов бесполезно, дорогая миссис Странк», – говорит Джордж, скорчившись на унитаза при виде соседки, вытряхивающей в бак мешок от пылесоса. Порок, о котором не говорят, по-прежнему здесь, под вашим носом.

Проклятье! Телефон.

Даже самый длинный шнур, которым вас снабдит телефонная служба, не дотянется до ванной. Джордж поднимается с сиденья и, как участник бега в мешках, шлепает в спущенных штанах в кабинет.

- Привет.
- Привет... Это... это ты, Джо?
- Привет, Чарли.
- Скажи, я не слишком рано?
- Нет.

(Боже, он зол на нее с первых же слов! Но разве можно винить ее за плохо вытертый зад и запутавшиеся в штанинах ноги? Хотя надо признать, у Шарлотты талант звонить в самое неподходящее время.)

– Ты серьезно?

– Конечно, серьезно. Я уже позавтракал.

– Я боялась, что ты уйдешь в колледж... Боже, как поздно, наверное, тебе пора! Ты уже выходишь?

– Сегодня у меня только один урок. Начало в одиннадцать тридцать. Рано я выхожу по понедельникам и средам. (Он объясняет это подчеркнуто сдержанным тоном.)

– Ах да... да, конечно! Глупо, что я всегда забываю.

(Молчание. Джордж знает, ей от него что-то нужно, но на помощь не спешит. Эта глупая болтовня уже настроила его против. Зачем говорить, что ей следует *знать* его расписание? Еще одно проявление собственнического инстинкта. Но если ей и правда необходимо это знать, почему она всегда все путает?)

– Джо... – (очень робко), – ты свободен сегодня вечером?

– Боюсь, что нет. Нет.

(За секунду до этих слов он бы еще сомневался в своем ответе. Но отчаяние в голосе Чарли решает за него: он не вынесет целый вечер с дамой в таком состоянии.)

– А-а... понятно. Я боялась, что ты не сможешь. Надо было раньше спрашивать, я знаю.

(Она озадачена, но тихо, безнадежно. Он вслушивается, последуют ли рыдания. Но нет. Он морщится от чувства вины – а еще от того, что неудобно стоять со спущенными штанами.)

– И ты не можешь... То есть... это что-то важное?

– Боюсь, что да.

(Вины он уже не чувствует, только злость. Он не позволит собой командовать.)

– Понимаю... Ладно, неважно. (Уже смелее.) Можно позвонить позже, через несколько дней?

– Конечно. (Теперь, поставив ее на место, можно быть добрее.) Или я позвоню тебе.

(Пауза.)

– Ну, до свидания, Джо.

– До свидания, Чарли.

Двадцать минут спустя миссис Странк, поливая с крыльца китайские розы, наблюдает, как он задним ходом выезжает по мосту. (Тот уже прилично осел, и она надеется, что сосед его починит – ведь могут пострадать дети.) Когда Джордж выруливает на улицу, она машет ему рукой. Он машет ей в ответ.

Бедняга, думает она, живет здесь совсем один. У него доброе лицо.

Какое счастье, что теперь в Лос-Анджелесе, благодаря системе автострад, от побережья до колледжа Сан-Томас можно добраться меньше чем за час – ведь в прежние времена, переползая от светофора до светофора через весь город к пригородам, на дорогу тратили два часа.

Джордж, можно сказать, патриот автострад. Он горд тем, что едет так быстро, что люди здесь иногда теряются и в панике съезжают куда попало на ближайшей развязке. Джордж любит автострады, потому что отлично с ними справляется, а значит, он не безнадежен как член общества, он *не отвергнут*.

(Как все одержимые страхом перед криминалом, Джордж крайне внимателен к местным правилам, законам и постановлениям. Знаете, сколько опасных элементов попались исключительно на том, что не оплатили парковку? Всякий раз, забирая после проверки у стойки паспорт или водительские права, он думает: «Опять обставил этих идиотов!»)

Этим утром он снова *обставит этих идиотов* в городской гонке на современных колесницах – Бен Гур давно бы скис, – маневрируя между полосами наравне с лучшими местными автогонщиками, на скорости не менее восьмидесяти миль в левом ряду; уделяя ноль внимания повисшим на хвосте юнцам и подрезающим у самого капота дамочкам (этих вообще зря выпускают из дома). Обвести копов на мотоциклах легко: он не даст им шанса посигналить ему красными огонечками, веля съехать на обочину, откуда его нежной, но твердой рукой можно спровести в чудесный дом Пожилых Граждан (слово *престарелый* в этой стране сверхщепетильности стало столь же неприличным, почти бранным, как *жид* или *негр*), где он радостно вернется к невинным детским играм, ныне именуемыми *пассивным восстановлением*. Там можно даже трахаться, если кто способен; а кто нет, может вдоволь потискаться. И пусть женятся и в восемьдесят, и в девяносто, и в сто – кому от этого плохо? Факт, что удаление таких водителей с дорог пойдет на пользу скоростному движению.

Есть один неприятный момент при въезде на автостраду, там, где подъемный пандус сливается со скоростной полосой. Здесь всегда пробегают холода по спине, даже зеркало заднего вида не спасает: ощущение, словно некто невидимый сейчас врежется в тебя сзади. Но нет, в следующий миг дорога под контролем, он летит по полосе и, оставляя позади долину, начинает долгий подъем наверх.

Вскоре за рулем привычно срабатывает автогипноз. Мышцы лица разглаживаются, плечи распрямляются, тело вдавливаются в кресло. Левая нога ровным движением выжимает сцепление, правая в меру добавляет газ. Левая рука на руле, правая переключает повышенную передачу. Глаза неторопливо контролируют зеркала, следят за дорогой, хладнокровно фиксируя дистанцию до ближайших машин впереди, сзади... Это не гонки безумных колесниц – так только кажется со стороны зрителям и ошалелым новичкам, – на самом деле это река, умиротворенно несущая свой мощный поток к цели. И никакого страха – напротив, в ее владениях обретаешь покой и неторопливость.

Но скоро в состоянии Джорджа наблюдаются некоторые перемены. Лицо опять напряжено, челюсти сжаты, губы кривит недовольная гримаса, злая складка пролегла между бровями. Но тело остается расслабленным. Оно начинает действовать как независимое, отдельное существо – воплощение анонимного безголового шофера, идеал бессловесного и бесстрастного мышечного аппарата по транспортировке хозяина к месту службы.

Теперь Джордж, перепоручив машину компетентному слуге, вправе переключить внимание на другие сферы. Перемахнув через хребет автострады, он почти перестает следить за окружением, за другими машинами и предстоящим спуском к густонаселенной долине, тонущей внизу под горой в рыжевatom смоге. Он глубоко ушел в себя.

Что его беспокоит?

У самого пляжа вырастают балки, фермы и перекрытия огромного нелепого здания на сотню квартир, которое неизбежно закроет вид на побережье посетителям парка, расположенного на скалах. Представитель фирмы на претензии недовольных отвечает – увы, таков прогресс. Иными словами, если арендаторы наших квартир готовы платить по 450 долларов в месяц за этот вид, почему посетители парка (включая Джорджа) должны глазеть на него даром?

Редактор местной газеты начинает кампанию против сексуальных извращенцев (то есть людей, подобных Джорджу). Они повсюду, обличает он. Уже невозможно зайти в бар, туалет, библиотеку, не наткнувшись на отвратительные вещи. И у всех у них сифилис. Существующий закон, заявляет он, слишком снисходителен.

Один сенатор недавно выступил с призывом немедленно атаковать Кубу всеми доступными средствами, в противном случае доктрина Монро ничего не значит. Сенатор не отрицает, что, вероятно, это означает ядерные ракетные удары. Но необходимо признать, что альтернативой станет бесчестье. Мы должны быть готовы к потере трех четвертей нашего населения (включая Джорджа).

Было бы здорово, думает Джордж, проникнув тайком в здание накануне заселения, сбрызнуть стены комнат особым спреем: поначалу незаметным, но с течением времени испускающим нестерпимое трупное зловоние. Они истратят на борьбу с вонью тонны дезодорантов, но тщетно. Тогда они сорвут обои, панели и обшивку лишь для того, чтобы убедиться, что воняет все, включая балки, арматуру и так далее. Они уйдут из этого дома, как ушли кхмеры из Анкора; но зловоние, усиливаясь, распространится до пляжей Малибу. И в один прекрасный день сюда придут рабочие в масках, разберут здание на части, затем все это перемелют в порошок и утопят где-то далеко в океане... Хотя рациональней было бы открыть особый вирус, способный разъесть металл. Его преимущество перед спреем в том, что после единственной инъекции вирус самостоятельно поразит весь металл. Так что, когда жильцы заселят дом и отметят событие хорошей пьянкой, вся конструкция осядет и превратится в бесформенную кучу, похожую на спагетти.

Потом, думает Джордж, того редактора, вместе с авторами статей о секс-извращениях, а может, и шефа полиции заодно с начальством полиции нравов, а также священников, поддержавших проповедями кампанию травли, хорошо бы выкрасть, чтобы затем в тайной подземной студии показать им такие убедительные вещи, как раскаленная кочерга или щипцы. После они, конечно, будут готовы секс-извращаться перед камерами всеми возможными способами: парами, группами, как угодно – и даже продемонстрировать удовольствие. Фильм смонтируют, размножат и доставят в кинотеатры. Сторонники Джорджа усыпят хлороформом контроллеров на входе, чтобы никто не включил в зале свет, перекроют выходы и, сменив киномехаников, покажут фильм под названием «Это надо видеть!».

А было бы смешно, если сенатор...

Нет.

(Тут брови сходятся с особой неприязнью, губы сжимаются в тонкую, как нож, линию.)

Нет, смешно – не то слово. Эти ребята не шутят. И с ними шутить бесполезно. Они понимают только язык грубой силы.

Без кампании систематического террора не обойтись. А для ее успеха – не менее пяти-сот преданных делу, хорошо обученных фанатичных убийц и палачей. Глава организации составляет лист конкретных поручений: таких, к примеру, как упомянутый выше демонтаж того здания, дискредитация той газеты, устранение того сенатора. Работа будет вестись строго по порядку, вне зависимости от затрат времени или количества жертв. Но сначала каждый виновник получит сообщение, подписанное *Дядей Джорджем*, разъясняющее, что именно и до какого срока он должен сделать, чтобы сохранить себе жизнь. Виновному объяснят, что приговор вынесен Дядей Джорджем на основании его принадлежности к совершившей преступление организации.

Минуту спустя по истечении установленного срока начнется уничтожение. Казнь виновника откладывается на несколько недель или месяцев, предоставляя ему время на размышление. Но он будет ежедневно получать напоминания. Жена его может быть похищена, задушена и набальзамированной посажена в гостиную ждать возвращения мужа с работы. Ему могут приходить посылки с головами его детей, кассеты с записями воплей его замученных до смерти родных. Посреди ночи могут взлетать на воздух дома его друзей. Все его знакомые будут в смертельной опасности.

Когда организация несколько раз подряд продемонстрирует стопроцентную эффективность, население более не усомнится в том, что Дяде Джорджу надлежит повиноваться беспрекословно.

Однако покорности ли хочет Дядя Джордж? Может, неповиновение устраивает его больше, как удобный повод убивать тех, кто, по его мнению, не более чем паразиты и подонки, а чем их меньше, тем лучше? Все они, если подумать, повинны в смерти Джима – словесно, мысленно, образом жизни они приблизили его смерть, не подозревая о его существовании. Впрочем, на данном этапе размышлений сам Джим уже мало что значит. Он лишь повод ненавидеть три четверти населения Америки... Погружаясь в свою ненависть, Джордж яростно сжимает челюсти и скрипит зубами.

Он и в самом деле ненавидит этих людей? Или они тоже лишь повод для ненависти? В таком случае, *что такое* его ненависть? Не более чем стимулятор, крайне вредный для него самого. Гнев, презрение, тоска – вот источники энергии в его возрасте. Если он в ярости в этот момент, значит, с большой вероятностью то же самое ощущает и половина участников движения, замедляющегося по мере уплотнения потока после спуска под мост, устремившегося вверх мимо станции «Юнион Депот»... Боже! Он почти на месте! В шоке он возвращается на грешную землю, оценивая достижение своего робота-шофера как рекорд: так долго в автоматическом режиме тот еще не функционировал. Однако следом возникает неприятный вопрос – а вдруг этот шофер становится отдельной личностью? Может, он готов оттяпать еще какие-нибудь функции его жизнедеятельности?

Но сейчас не до этого. Через десять минут он будет в кампусе. Через десять минут ему надлежит стать Джорджем, которого там знают по имени и в лицо. Так что пора переключаться на волну их мыслей и настроения. Как многоопытный ветеран, для исполнения предстоящей роли он мгновенно накладывает на свою личность ненужную маску.

Едва свернув с автострады на Сан-Томас-авеню, оказываешься в сонном затхлом Лос-Анджелесе тридцатых годов, с трудом отходящем от депрессии, без лишних денег на перекраску. Но как же он очарователен! Склоны невысоких холмов с ненадежно взгромоздившимися домиками под белой, в трещинах штукатуркой – беспомощные жертвы телефонных столбов, играющих в сплетенную из проводов «веревочку». Здесь живут мексиканцы, поэтому вокруг много цветов. Здесь живут негры, поэтому тут весело. Но Джордж не вынес бы гвалта их теле- и радиоприемников. Хотя на детей, будь он их соседом, он не стал бы кричать. Эти ребята ему не враги, а если они бы его признали, могли бы стать и союзниками. Они никогда не появлялись в фантазиях Дяди Джорджа.

Кампус колледжа Сан-Томас расположен по другую сторону автострады; пересекая ее по мосту, вы попадете в современный район бесконечной стройки-перестройки. Холмы либо сглажены, либо грубо срезаны бульдозерами, весь пейзаж усеян низкими плоскими крышами – это в ряд идут здания (упрямо именуемые *домами новой формации*), заселяемые тотчас после подключения света и канализации. Нечестно называть их одинаковыми: крыши могут быть коричневыми или зелеными, а кафель в ваннах даже нескольких цветов. Шоссе тоже обрели нечто личное; имя например. Из тех, что так любят риелторы: *Звездное Поместье, Прекрасный Вид, Гровенорские Высоты*.

Центром этого перелопачивания, заколачивания и упорядочивания является сам кампус колледжа. Четкое современное строение из кирпича и с большими окнами, уже на три четверти готовое, оно достраивается с фантастической быстротой. (Шум от реконструкции в некоторых классах стоит такой, что не слышно профессоров.) Обновленный колледж рассчитан на двадцать тысяч выпускников в год. Но всего через десять лет их потребуется тысяч сорок или пятьдесят. Так что всё сломают и перестроят заново, сделав здание раза в два выше.

Но, пожалуй, к тому времени сам кампус будет безнадежно отрезан от мира парковкой, забитой скоплениями машин, навечно брошенных студентами – теми, кто потерял надежду выбраться из пробок. Уже сейчас паркинг лишь наполовину меньше самого кампуса и всегда полон, так что приходится кружить, пока не найдешь хоть какое-то место. Сегодня Джорджу повезло. Можно встать рядом со своей аудиторией. Проглотив парковочный билет (тем самым признавая, что владелец документа *точно* Джордж), механизм нервными рывками поднимает заграждение – можно въезжать.

В последние дни Джордж учится запоминать машины своих студентов. (Порой он устраивает тренировки для саморазвития: улучшение памяти, новая диета, обет осилить самую нечитаемую из «Ста лучших книг». Но редко выдерживает долго.) Сегодня здесь аж три авто, не считая скутера студента-итальянца, с провинциальной тупостью гоняющего на нем туда-сюда по автострадам, словно по родной Виа Венето. Вот стоит некогда белый побитый «Форд»-купе Тома Кугельмана с надписью: «Слоу Уайт». А это – принадлежащий гавайскому китайцу грязно-серый «Понтиак» с шуточной наклейкой на заднем стекле: «Единственный 'изм', который я признаю, – это абстрактный экспрессионизм». Что в данном случае не совсем шутка, поскольку он художник-абстракционист. (Или в том и есть тонкость?)

В любом случае смотрится нелепо, когда чистоплотное создание с чудесной улыбкой чеширского кота и смугло-кремовой кожей малюет унылые чумазные картины или ездит на грязной машине. У него красивое имя – Александр Монг. Иное дело безупречно отполированный красный «Эм-Джи» альбиноса Бадди Соренсена, баскетбольной звезды с водянистыми глазами и значком «Нет Бомбе!». Однажды Джордж наблюдал сцену, как Бадди бежал нагишом³ по автостраде и смеялся так, будто его нелепый маленький краник тоже увязался с ним – а ему все равно.

Итак, Джордж на месте; он спокоен. Выйдя из машины, он чувствует прилив сил и готов играть свою роль. Чеканя шаг по гравию дорожки, он следует мимо музыкального корпуса к кафедре. Сейчас перед нами готовящийся к выходу на сцену актер, который спешит из уборной мимо сваленного за кулисами реквизита вперемешку с разным хламом. Спокойный, уверенный в себе ветеран сцены, помедлив в дверях, в нужный момент смело и внятно, с ожидаемыми британскими интонациями произносит первую фразу:

– Доброе утро!

Три секретарши, каждая по-своему очаровательная актриса, без тени сомнения узнают вошедшего человека и желают ему «Доброго утра» в ответ. (Слегка смахивает на тест верности главной американской догме: утру надлежит быть добрым. Вопреки русским и ракетам, болезням и горестям. Но мы же знаем, что русские и горести не вполне реальны, правда? Если о них не думать, они исчезнут. Так что утро добрым сделать легко. Ну ладно, оно и есть доброе.)

У каждого преподавателя кафедры английского языка есть своя, вечно забитая бумагами ячейка на кафедре. Что за одержимость бумаготворчеством! Извещение о каждом маловажном собрании по любому пустяковому вопросу надлежит напечатать и размножить сотнями копий. Всех обо всем извещают. Джордж просматривает свою пачку бумаг и отправляет все скопом в мусорный бак, за исключением старательно продырявленной ЭВМ перфокарты личного учета одного бедняги студента. Все верно, это его карта. Но предположим, вместо того чтобы подписать ее и вернуть в Личный отдел, Джордж ее просто порвет? Студент в тот же миг испарится, по крайней мере, для колледжа Сан-Томас. Юридически он исчезнет, и для его возрождения потребуются целый ряд хитрых манипуляций, начиная с заполнения уймы разных форм в трех нотариально заверенных экземплярах и кончая обработкой их устройством ЭВМ.

³ В то время главным образом среди студенчества существовало такое эпатажное течение, как стрикинг (streaking) – бег в обнаженном виде в общественном месте в знак протеста против условностей. – *Примеч. пер.*

Джордж подписывает-таки карту, удерживая ее на весу двумя пальцами. Он брезгует этими руническими знаками идиотской, но реально опасной магии мыслящих электронно-машинных божеств, адептов культа собственной непогрешимости: *мы не ошибаемся*. Когда же ошибаются, что случается часто, ошибка узаконивается и становится не-ошибкой... Держа карту за самый уголок, Джордж передает ее одной из секретарш, которая проследит за возвратом документа в деканат. На столе перед девушкой лежит пилка для ногтей. Джордж берет ее со словами:

– Интересно, заметит ли наш старичок-робот разницу? – И делает вид, что проделывает в карте лишнее отверстие.

Девушка пытается засмеяться, пряча мимолетный испуг. Джордж бормочет под нос проклятье.

Вполне довольный собой, он покидает здание кафедры и отправляется в кафетерий.

Сперва он должен пересечь открытое пространство в центре кампуса, образованное корпусом искусств, гимназией, корпусом наук и административным корпусом; территорию недавно засеяли травкой и засадили милыми деревцами, обещающими через несколько лет стать пушисто-тенистыми – то есть к тому моменту, когда тут опять всё начнут перестраивать. В воздухе ощутим привкус смога, на жеманном современном языке именуемого *раздражителем глаз*. Горный хребет Сан-Гейбриел добавляет колледжу Сан-Томас шарм заведения, расположенного высоко в горах, хотя до Анд ему далеко. Горы редко удается рассмотреть как следует; и сейчас они тонут в болезненно-желтой дымке испарений большого города, раскинувшегося у подножья.

А наперерез и мимо, поперек и навстречу Джорджу течет людской материал обоего пола, неустанно вращиваемый в этом заведении. Доставляемый серыми конвейерами автострад поток надлежит обработать, упаковать и разместить на рынке: японцы, мексиканцы, негры, евреи, китайцы, латиноамериканцы, славяне и скандинавы; темные головы заметно доминируют над светлыми. По велению расписания они спешат, на ходу флиртуют, на ходу спорят, на ходу под нос бормочут лекции – все с книгами, все крайне озабочены.

Зачем, для чего они здесь? Официальная версия: готовятся к жизни, что означает иметь работу и уверенность в себе, чтобы растить детей и готовить их к жизни, чтобы они смогли обрести работу и уверенность в себе, чтобы... Но вопреки профессиональным советам и брошюрам, убеждающим, что солидные деньги делаются там, где можно применить техническое образование – в фармакологии, бухгалтерии или в дающей широчайшие возможности электронике, – невероятно, но многие из них упорно пытаются писать поэмы, романы, пьесы! Отупевшие от недосыпа, они что-то строчат в промежутках между уроками, подработкой и семейными заботами. В головах у них роятся сонмы слов, пока они трут швабрами пол, сортируют почту, дают малышу бутылочку, жарят гамбургеры. Но на каторжном продвижении к должному их окрыляет мечта о возможном, придавая силы жить, верить и, может, однажды испытать – но что?

Чудо! «Одно лето в аду», «Путешествие на край ночи», «Семь столпов мудрости», «Ясный Свет Пустоты»... Создаст ли кто-нибудь подобное? О да, конечно. Один как минимум. Максимум два или три из тысяч страждущих душ.

В гуще этого потока у Джорджа голова идет кругом. Господи, что их ждет? Какие у них шансы? Стоит ли крикнуть им во все горло, прямо сейчас, что это безнадежно?

Но Джордж знает, что не сможет. Потому что вопреки самому себе, самым абсурдным и неподходящим образом, он есть представитель надежды. Нет, не притворной надежды. Джордж словно уличный торговец, предлагающий прохожим бриллиант за горсть медяков. Лишь избранные способны поверить, что камень настоящий. Спешащая масса и не подумает остановиться.

У входа в кафетерий объявления студенческих мероприятий: «Вечер Скво», «Пикник Золотого руна», «Концерт группы “Фогкаттерс”», «Собрание граждан города» и футбольный матч против «Ланд-Парк Соккер Клуб». Подобные плакаты мало впечатляют диких учащихся Сан-Томаса, клюют на такое лишь отдельные горячие энтузиасты. У большинства ребят нет стадного чувства, хотя в особых случаях они готовы вливаться в ряды. А что их действительно связывает, так это сроки – вроде необходимости сдать задание, срок сдачи которого истек три дня назад. Если Джорджу случалось подслушать разговоры студентов, то они обычно обсуждали, что не сдали, что профессор потребует, а что можно пропустить – и не попасться.

Кафетерий набит битком. Джордж осматривается в дверях. На работе он, как преподаватель, не желает терять ни минуты своего времени. Он идет между столов с улыбочкой на сорок ватт, готовый вспыхнуть на все сто пятьдесят, как только кто-нибудь напросится.

К счастью, он замечает, что из-за стола поднимается Расс Дрейер. Определенно, он его высматривал. Дрейер со временем привык опекать Джорджа, можно сказать, стал его адъютантом и личной охраной. Это худой, в очках без оправы, узколицый парень со стрижкой ежиком. На нем гавайская рубашка с намеком на спортивность – но это максимум вольности в одежде, какой он себе здесь позволяет. В расстегнутом вороте видна, как всегда, хирургически чистая нижняя рубашка. Он отличник, и его европейский двойник был бы занудой и слабаком, но Дрейер наделен упорством бывшего морпеха и даже своеобразным чувством юмора. Как-то он пересказал Джорджу, как проходит его типичный вечер в компании с другом Томом Кугельманом и их женами. «Мы с Томом проспорили о “Поминках по Финнегану” до конца ужина. Нашим женам надоело нас слушать, и они ушли в кино. Мы помыли посуду, было уже около десяти, но ни один из нас не считал себя побежденным. Тогда мы взяли по пиву из холодильника и пошли во двор, где Том соорудил навес, стоящий пока без крыши. Том и предложил завершить наш спор подтягиваясь на счет на дверной перекладине. Здесь я его уделал, тринадцать против одиннадцати».

Джордж был очарован этой историей – в классически греческом духе, если так можно выразиться.

– Доброе утро, Расс.

– Доброе утро, сэр.

Не разница в возрасте диктует Дрейеру обращение «сэр». Как только исчезнет необходимость в школьной полувоенной субординации, он без смущения станет звать его «Джордж» или даже «Джо».

Вместе они идут к кофейному автомату, наполняют кружки, берут пончики со стойки, но на повороте к кассе Дрейер с мелочью наготове обгоняет Джорджа.

– Нет, позвольте мне, сэр.

– Всегда вы платите.

Дрейер ухмыляется.

– Я отправил Маринетту работать, так что мы при деньгах.

– Ей предложили преподавать?

– Случайно место подвернулось. Конечно, временно. Одна засада – ей придется вставать на час раньше.

– И вы сами готовите себе завтрак?

– А, справлюсь, пока она не устроится поближе. Или не забеременеет.

Видно, он наслаждается таким мужским разговором с Джорджем.

(А он знает обо мне? Они вообще знают? Может, и да. Но вряд ли им интересно. Что-либо ниже шеи – мои чувства, мои гормоны – зачем им это? К началу лекции можно подавать одну мою голову на блюде.)

– Да, вспомнил, – говорит Дрейер. – Маринетта велела спросить у вас, сэр, не заглянете ли к нам на днях? Спагетти приготовим. Может быть, Том принесет ту кассету из проката в Беркли, о которой я рассказывал: Кэтрин Энн Портер читает свои труды...

– Было бы неплохо, – с уклончивым энтузиазмом отвечает Джордж, глядя на часы. – Однако нам пора.

Дрейер ничуть не обескуражен неопределенным ответом Джорджа. Может, он еще меньше хочет видеть Джорджа у них за столом, чем тому хочется прийти. Жест скорее символический. Маринетта велела пригласить – пригласил, его согласие прийти на ужин во второй раз – получил. Это означает, что Джордж – хороший знакомый, и через годы можно будет вспоминать о нем как о члене своего круга. Надо думать, однажды Дрейер обеспечит Джорджу достойное место в ряду таких же заслуженных зануд. Джорджу легко представить типичный вечер, скажем, в девяностых годах, самого Расса деканом кафедры английского на Среднем Западе, Маринетту матерью взрослых сынов-дочерей, в обществе молодых педагогов с женами, знаменательно чествующих доктора Дрейера с супругой – их декана, пребывающего в ностальгическом настроении переливания из пустого прошлого в порожнее позапрошрое; сам Джордж и ему подобные туда тоже кидают свой пятак, напрягая память, только все некстати. Маринетта с неизменной улыбкой внимает им – бедняжка слышит это в который раз, вынужденная терпеть до одиннадцати. И в этот долгожданный час все согласятся, что вечер был воистину незабываемый.

По пути в класс Дрейер интересуется, что думает Джордж по поводу слов доктора Ливиса о сэре Чарлзе Сноу⁴. (Давно канувшие в Лету свары ворчливого старичья до сих пор проходят на ура в здешнем Царстве Сонной Лощины.)

– Ну, прежде всего... – начинает Джордж.

Они идут мимо теннисных кортов. На одном двое парней разыгрывают одиночную партию. Обжигающее солнце пробивается сквозь дымку смога, поэтому игроки практически обнажены. На них гимнастические туфли, плотные носки и трикотажные шорты того типа, что носят велосипедисты – короткие и тесные, рельефно облегающие ягодицы и выпуклости в паху. Увлеченные игрой, они совершенно не замечают прохожих. Сетка отсюда не видна, и можно подумать, что их ничто не разделяет. Нагота сближает и одновременно противопоставляет их, тело против тела, как у борцов, но в этом случае соперниками они бы оказались неравноценными – парень слева заметно меньше. Этот игрок, по-видимому мексиканец, похожий на кота черноволосый красавец, – жесткий, собранный, гибкий и мускулистый, энергично грациозный. Его тело от природы золотистого цвета; на груди, животе и бедрах пушок черных выющихся волос. Играет он сильно, дерзко, обнажая без улыбки белые зубы, с безжалостным мастерством отбивая мячи. Он выигрывает. Это понимает и его соперник, крупный блондин, защищаясь с чуть наигранной галантностью. Он так естественно и нежно красив, так благородно сложен, что его тело классической мраморной статуи здесь скорее минус. Оно плохо подчиняется правилам этой игры, так что усилия его почти бесполезны. Ему бы отшвырнуть ракетку и перескочить через сетку – тогда золотистому котику не устоять перед его мраморной мощью. Но блондин связан правилами игры, обрекающими его на обидное поражение. Беспомощный гигант напоминает старомодного рыцаря. Как настоящий спортсмен, он будет честно биться до последнего сета. Так вот что его ожидает? Вечное участие в играх, для которых он не создан, против быстрого, умного и беспощадного соперника?

⁴ В 1959 году в Кембридже английский писатель, ученый и публицист Чарлз Сноу произнес свою знаменитую речь «Две культуры», в которой противопоставил друг другу традиционную для европейского Запада гуманитарную культуру и новую «научную культуру», порожденную научно-техническим прогрессом. – *Примеч. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.